

Неверное чтение В. Лорана можно объяснить сохранностью реверса печати (оттиск смещен вниз), хотя по фотовоспроизведению судить об этом трудно.

Эрмитажный экземпляр скорее всего сделан той же матрицей и читается лучше. Во второй строке личное имя $\text{R}\Delta\text{A}\text{C}\text{A}\text{K}\text{I}\text{W}$, а не $\text{R}\text{A}\text{A}\text{C}\text{A}\text{K}\text{I}\text{W}$, шестая и седьмая строки дают родовое имя Веридар. Быть может, дальнейшее исследование печати позволит найти неведомого сегодня человека с такими именами, представить же себе его положение возможно и сейчас. В титуле магистра он выполняет должность дуки флота, которая возникает, как отмечает Р. Гийян,³³ в первые годы правления императора Алексея I Комнина. В качестве командующего флотом дука появляется к 1085 г., а несколько позже становится известен мегадука, или великий дука, главнокомандующий морскими силами.

В конце XI в. должность дуки была всегда в силе, и ее носители никогда не назначались для командования морскими силами. Император Алексей I Комнин сделал дук главами флота и трансформировал их таким образом в настоящих адмиралов. Впрочем, даже после назначения дук флота известны дуки — военачальники или правители городов.

Печать может быть датирована, вероятнее всего, 80-ми гг. XI в.

Пересмотр чтения изданных печатей помог выявить новые имена должностных лиц Византии XI в.: личное имя симпона — Феодул, родовые имена — Василий Махитар и Власакий Веридар; стала известна еще одна должность Николая Склира — $\epsilon\pi\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \sigma\iota\kappa\lambda\iota\alpha\kappa\omicron\upsilon$.

При всей сложности восстановления легенд (ошибки и здесь не исключены) новое чтение их представляется необходимым для введения печатей в научный оборот.

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

О СОСТАВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЧИНЕНИЯ МИХАИЛА АТТАЛИАТА

«Истории» Михаила Атталиата (XI в.) предшествует в рукописи ¹ $\Delta\omicron\gamma\omicron\varsigma\ \mu\upsilon\sigma\omicron\upsilon\phi\omega\nu\tau\iota\kappa\omicron\varsigma$, в котором писатель сообщал о завершении своего

³³ *Guilland R. Recherches sur les Institutions byzantines. Amsterdam, 1967. 1. P. 542.*

¹ Текст «Истории» Атталиата сохранился в двух рукописях: парижской XII в. и эскуриальской XIV в. (последняя неполная). О рукописной традиции см.: *Pertusi A. Per la critica del testo della «storia» de Michele Attaliate // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1958. 7; Thurn H. Textgeschichtliches zu Michael Attaleiates // Byzantinische Zeitschrift. 1964. 57.* — Мы пользуемся текстом Боннского корпуса, изданного по парижской рукописи: *Michaelis Attaliothae historia / Opus a W. Bruneto de Presle inventum descriptum correctum rec. I. Bekkerus. Bonn, 1853.* — Далее Att.

труда и посвящал его царю Никифору Вотаниату (1078—1081).² Еще в 1970 г. греческий ученый Е. Цолакис отметил некоторые противоречия между двумя этими сочинениями.³ Суть противоречий заключается в следующем. «Посвятительное слово» было написано после окончания «Истории» (ср. слова Атталиата: ἔλτων συντάξας, βιβλόν... ἀποτερματίζας — Att. 5, 6, 15—16). Между тем сама «История» явно осталась незавершенной (последняя фраза в сохранившемся тексте: «О последующих событиях слово расскажет в дальнейшем еще яснее» — Att. 322.21—22).⁴ Согласно «Посвятительному слову», в истории описаны пороки и добродетели «властвовавших и командовавших» (τῶν ἀρξάντων καὶ ἡγεμονικῶς ὑπαρξάντων — Att. 5.12—13; в обоих случаях употреблены причастия в аористе!) и времена, «близкие к нашим», т. е. уже прошедшие (προσέχῳ τοῖς ἡμετέροις χρόνοις — Att. 5.6—7), в то время как на самом деле «История» завершается подробнейшим рассказом о событиях первого года царствования Вотаниата, одновременных периоду окончания сочинения.

Стремясь разрешить эти противоречия, Е. Цолакис выдвинул гипотезу, согласно которой «История» Атталиата существовала в двух редакциях. Первая из них (та самая, которая была преподнесена Атталиатом императору Никифору Вотаниату) заканчивалась рассказом о вступлении на престол царя Никифора и, естественно, была написана в царствование этого императора (1078—1081). Вторая редакция, самим автором не завершенная, является продолжением первой и представляет собой тот текст, который сохранился до нашего времени в парижской рукописи и издан в составе Боннского корпуса. По мнению Е. Цолакиса, вторая редакция создавалась уже в царствование Алексея Комнина, точнее до 1085 г., который греческий ученый принимает за дату смерти Михаила Атталиата.⁵

Хотя статья Е. Цолакиса не ускользнула от внимания ученых,⁶ к проблемам, поставленным в ней, больше не возвращались, и тра-

² Полный перевод названия Λόγος προσφώνητικός: «Посвятительное слово царю Вотаниату, произнесенное магистром, вестом и судьей Михаилом Атталиатом».

³ См.: *Tsolakis E.* Das Geschichtswerk des Michael Attaleiates und die Zeit seiner Abfassung // *Byzantina*. 1970. 2. S. 251 ff.

⁴ Возможность «случайного» обрыва текста исключена. В парижской рукописи на том же листе непосредственно вслед за «Историей» начинается другое произведение. Кроме того, «История» обрывается не на случайном месте, а на смысловом водоразделе. Автор хотел продолжить «Историю», но почему-то не смог или не захотел этого сделать в дальнейшем.

⁵ Речь идет уже о другой статье Е. Цолакиса: *Tsolakis E.* Aus dem Leben des Michael Attaleiates (seine Heimatstadt, sein Geburts- und Todesjahr) // *Byzantinische Zeitschrift*. 1965. 58. S. 9 ff. — К аргументам Цолакиса, касающимся существования двух редакций «Истории», следует добавить следующее. В византийской исторической литературе зафиксированы случаи, когда lemma или даже предисловие исторического труда относятся не ко всему произведению, а только к его части. Наиболее близкие по времени примеры: «История» Продолжателя Феофана и «Хронография» Михаила Пселла.

⁶ Ссылки на них см.: *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. S. 382 ff.; *Kazhdan A.* (in collaboration with S. Franklin). *Studies on Byzantine Literature of the Eleventh Century*. Cambridge, 1984. P. 24.

диционная дата завершения всего сочинения (1079/80 г.) без объяснений по-прежнему фигурирует во всех изданиях, в том числе и справочных.⁷

Между тем эта проблема, и в особенности вопрос о дате написания «Истории», носит не только чисто академический характер. Хорошо известно, что оценка социально-политической позиции средневекового историографа нередко целиком зависит от правильного определения времени написания его сочинения. Один из показательных в этом отношении примеров — «История» Льва Диакона. Политическую позицию (по сути дела оппозицию) писателя, считавшегося долгое время придворным льстецом императоров, сумели по-настоящему оценить только тогда, когда обратили внимание на дату написания «Истории», созданной уже после смерти хвалимых самодержцев. Панегирик умершему царю в авторитарной Византии нередко вполне закономерно превращался в упрек здравствующему властителю.⁸ Уже это обстоятельство заставляет еще раз обратиться к выдвинутой Е. Цолакисом гипотезе.

Как бы ни относиться к прочим построениям греческого ученого, он правильно отметил противоречие между «Посвятительным словом» и самой «Историей» и вполне логично предположил наличие двух редакций текста «Истории». Однако Е. Цолакису не удалось заметить, что дошедший до нас в парижской рукописи текст оканчивается заключением, композиционно завершающим произведение, но относящимся только к его последней части. После очередного перечисления добродетелей Никифора Вотаниата Атталиат пишет: «Оказавшись свидетелем и очевидцем этого, я все описал со знанием дела и беспристрастием истины, дабы не осудили меня как негодного раба, зарывшего талант своего господина, или как человека, скрывшего в сосуде лебезарный факел, чтобы облеченный в ткань истории рассказ (ἐν ἱστορίας ὄφει τοῦχάουοντα) сохранил для будущих поколений незабвенную и бессмертную память о превосходных качествах и несравненных делах этого великого царя и побудил к подражанию читателей, увидевших такой божественный образец прекрасных и великих деяний. Вот немного из того многого, что удивительным образом было совершено до второго года его царствования» (Att. 322.10—21). Мы привели заключительный пассаж «Истории» Михаила Атталиата, опустив только самую последнюю и уже цитированную фразу: «О последующих событиях слово расскажет в дальнейшем еще яснее». Заключительный характер приведенного текста сомнений не вызывает,⁹ как, впрочем, не вызывает сомнений и тот факт,

⁷ См., например, в последнем издании: Buchwald W., Hohlweg A., Prinz O. *Tusculum-Lexicon griechischer und lateinischer Autoren des Altertums und des Mittelalters*. München, 1982. S. V. Michael Attaleiates. — Способ исчисления этой даты (1079/80 г.) следующий: terminus post quem — дата последнего упомянутого в «Истории» события (октябрь 1079 г.), terminus ante quem — свержение Вотаниата (апрель 1081 г.).

⁸ Последний раз отчетливо указал на это С. Иванов (*Иванов С. Polemическая направленность «Истории» Льва Диакона // ВВ. 1982. 43. С. 74 и след.*).

⁹ Приведем для сравнения краткое заключение из Vita Basilii Константина Багрянородного: «Такова история благочестивого царствования славного Васи-

что завершал он отнюдь не всю историю целиком, а лишь последнюю ее часть, ту, которая повествовала о первом годе царствования Вотаниата. Учитывая, что, по всей видимости, «первая редакция» «Истории» заканчивалась восшествием на престол Вотаниата, следует думать, что история Вотаниата (вернее, первого года его правления) была предметом отдельного законченного произведения, лишь позже присоединенного к «первой редакции». Автор намеревался продолжить сочинение и дальше, но по каким-то причинам своего намерения не выполнял. В таком соединении готовых произведений в связное историческое повествование для практики византийского летописания нет ничего необычного. Напомним хотя бы уже приведенный пример с *Vita Basilii*, которая была написана Константином Багрянородным как самостоятельное произведение, а уже потом присоединена к первым четырем книгам «Истории» Продолжателя Феофана.¹⁰

Выдвинутое предположение сразу влечет за собой два вопроса: что представляло собой в жанровом отношении посвященное Вотаниату произведение и где тот «шов», который соединял его с «первой редакцией» «Истории» Атталиата? Ничего похожего на четкую разграничительную линию между *Vita Basilii* и первыми четырьмя книгами Продолжателя Феофана у Атталиата нет.¹¹ Тем не менее предположительное место стыковки двух сочинений установить можно. В конце раздела о Михаиле VII Атталиат крайне недружелюбно характеризует Михаила и его деяния, рассказывает о провозглашении воинами царем Вотаниата, в панегирических тонах описывает нового императора, затем приступает было к повествованию о первых его акциях на царском престоле, однако неожиданно прерывает течение рассказа¹² и начинает необыкновенно длинную похвалу предкам Вотаниата. Закончив через 25 страниц (мы считаем по боннского издания) рассказ о предках Вотаниата, историк вновь возвращается к сообщениям о деяниях нового царя. Этот бегло заштрихованный «сбой», весьма необычный для Атталиата, ведущего в остальном рассказ хронологически последовательно, скорее всего и возник в месте соединения двух произведений.

Что касается жанра, то определенные указания на него дает нам сам Атталиат, называющий эту часть своего сочинения энкомием (*Att.* 223.17; ср. 281.14 и 282.14). На жанр похвального слова (эн-

лия, насколько она еще не увлечена потоком забвения и не поблекла от времени, и таков его жизненный путь до восшествия на престол. Мною поведано и изложено содержание его жизни в соответствии с моими возможностями и согласно природе истины» (*Theophanes Continuatus / Ex rec. I. Bekkeri*, 1838. 352.20 sq.).

¹⁰Если считать, что автором всех пяти книг Продолжателя Феофана был сам Константин Багрянородный (*Signes I. Algunas consideraciones sobre al autoria del Theophanes Continuatus // Erytheia*, 1989. 10. P. 17 sq.), аналогия этих двух случаев окажется полной.

¹¹ Напомним, что *Vita Basilii* обладает как самостоятельной леммой, так и самостоятельным предисловием, не устраненными редактором во время «стыковки» произведений.

¹² См.: *Att.* 216.20: «Однако пусть немного подождет слово о его владычестве» (ἀλλ' ὁ μὲν περὶ τοῦ κράτους αὐτοῦ λόγος ἀναμεινῶται μικρόν).

комия) четко указывают как композиционные, так и стилистические особенности последнего, посвященного Вотаниату раздела «Истории». Если, как уже отмечалось, предыдущее повествование идет в строго хронологических рамках, начинается, как правило, с сообщения о восшествии на престол того или иного императора и завершается его смертью или низвержением с почти обязательным указанием числа лет правления, то в случае с Вотаниатом рассказ (об этом только что говорилось) предшествует непропорционально длинное и выпященное восхваление его предков, род которого прослеживается на тринадцать столетий вглубь! Такой огромный пассаж, посвященный предкам, едва ли мыслим в рамках истории, но его вполне можно представить и даже в какой-то степени он обязателен в энциклопедии.¹³ История предков естественным образом возвращает рассказ снова к Вотаниату и взятию им царской власти, что влечет за собой новую восторженную характеристику вступившего на престол царя (Att. 273.19 sq.). Эти описания опять-таки обусловлены жанровыми особенностями похвального слова, в котором каждое достижение героем нового статуса влечет за собой поток новых похвал.¹⁴ Далее, как и положено в энциклопедии, следуют «деяния» (πράξεις) Вотаниата, построенные, однако, не по хронологически-историческому, а по свойственному эпидейктическому красноречию эйдологическому принципу (деяния героя не перечисляются по порядку сами по себе, а приводятся в качестве иллюстраций тех или иных качеств хвалимого персонажа). Перечисление πράξεις завершается уже цитированным нами заключением.

Вообще повествование в последней части «Истории» гораздо более ориентировано на личность героя, чем рассказы о предшествовавших императорах. Начиная с отмеченного нами «шва» рассказ уже идет «под знаком» мятежника Вотаниата, а не Михаила VII, продолжавшего, кстати, в то время еще царствовать в Константинополе. Любопытно в этом отношении, что даже столь важное для Атталиата сообщение о смерти Михаила VII с указанием числа лет его царствования не составляет, как в других случаях, самостоятельного эпизода, а содержится в контексте рассказа об успехах сторонников мятежника Вотаниата (Att. 270.19 sq.).

Более того, некоторые данные могут навести на мысль об устном произнесении этого развернутого панегирика Вотаниату, что нельзя исключить уже хотя бы потому, что Атталиат был не только юристом, судьей и историком, но и придворным оратором (помимо упомянутого нами προσηγητικός λόγος Атталиат, по собственному свидетельству, произносил перед императором «Благодарственное слово» — χαριστήριος λόγος — Att. 292.11 sq.). Во-первых, это чудовищные гиперболы, а также риторические вопросы и восклицания, обращенные

¹³ Схема похвального слова была относительно стабильной с античных времен, она приводится во многих статьях и книгах.

¹⁴ Об этом см.: Любарский Я. Михаил Пселл: Личность и творчество. М., 1978. С. 158 и след.

к самому себе (Att. 273.19; 276.16; 281.7 и др.).¹⁵ Во-вторых, это использование характерного для эпидейктических речей приема, когда автор после перечисления добродетелей и поступков хвалимого персонажа, как бы спохватываясь, заявляет: «Добавлю к речи то, что ускользнуло от моего внимания» (Att. 303.4). В-третьих, это обращение *ἀκροατοί* — слово, первое и основное значение которого «слушатель», а не «читатель» (Att. 281.13) в отличие от обычного *ἀναγνώ κεντες*, употребляемого и самим Атталиатом.

И тем не менее было бы излишне категоричным утверждать, что похвала Вотаниату действительно зачитывалась или была предназначена для устного произнесения. Дело не в том, что в ряде случаев Атталиат обозначает процесс создания произведения как *γράφω* («писать»), а не *λέγω* («говорить»), что однажды именуется свое сочинение *ἱστορία* («история», см. Att. 322.14), хотя и это является определенными контраргументами. Важнее другое. В византийской историографии нередки случаи, когда разделы сочинения, посвященные особо почитаемому герою, приобретают жанровые признаки энкомия. Так случилось с *Vita Basilii* в составе сочинения Продолжателя Феофана, так случилось с разделами о Константине VIII и Михаиле VII в «Хронографии» Пселла (напомним, сам Пселл очень резко выступал против смешения жанров истории и энкомия¹⁶). Точно это же могло случиться с ритором Атталиатом, вольно или невольно моделировавшим историческое произведение по энкомиастическому образцу.

И, наконец, последний вопрос, которого необходимо коснуться в рамках настоящей статьи: время составления Атталиатом похвального сочинения Вотаниату. Как уже отмечалось, Е. Цолакис относит написание последней части «Истории» к первым годам царствования Алексея Комнина. Нам такое хронологическое отнесение представляется невозможным по следующим причинам.

1. Трудно вообразить те причины, которые заставили бы Атталиата ограничивать предмет своего сочинения первым годом царствования Вотаниата, если оно писалось уже после смерти царя.

2. Трудно представить себе возможность написания столь восторженного панегирика Вотаниата в царствование Алексея Комнина, сместившего с престола Вотаниата. Такое сочинение должно было бы звучать вполне оппозиционно. Между тем Атталиат характеризует Алексея весьма положительно (Att. 289.3—6).

Единственный серьезный аргумент, который Е. Цолакис приводит в защиту своей датировки, заключается в следующем. Описывая Вотаниата, в том числе характеризуя его внутренние свойства и внешность, Атталиат неоднократно употреблял глаголы в *imperfectum*'е (Att. 215.21—22; 282.16—17; 319.13—321.8 и др.), что, по мнению греческого ученого, было бы невозможным, если бы Вотани-

¹⁵ Особенно показателен в этом отношении случай, когда Атталиат в ответ на один из таких риторических вопросов сам же в сугубо разговорной манере отвечает: *Ὅχι ἔστι τοῦτο, Ὅχι ἔστι* («Так нет же, нет!») (Att. 256.24).

¹⁶ Любарский Л. Михаил Пселл. С. 139 и след.

ниат оставался среди живых в период создания сочинения.¹⁷ В поисках контраргументов мы обратились к тем (весьма немногочисленным) историческим произведениям византийцев, которые писались еще при жизни их героев. Уже первый встреченный нами пример убедил нас, однако, в возможности подобного использования *imperfectum*'а. Речь идет о характеристике полководца Велисария (505—565), содержащейся в «Войне с готами» историка VI в. Прокопия (написано до 555 г.).¹⁸

Наши выводы сводятся к следующему.

1. Текст «Истории» Михаила Атталиата по парижской рукописи представляет собой результат авторской контаминации двух исторических произведений, первое из которых — сочинение, преподнесенное Атталиатом Вотаниату в начале царствования последнего и упомянутое в *Λόγος προσφωνητικός*, второе — написанное по типу энкомия повествование о первом годе царствования Вотаниата.

2. Серьезных оснований для пересмотра традиционной датировки имеющейся в нашем распоряжении редакции «Истории» Атталиата (1079/80 г.) не существует.

В. В. ГЕРЦМАН

ОБ ОДНОМ ВИЗАНТИЙСКОМ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ

В византийской *musica speculativa* получил распространение особый жанр музыкально-теоретического сочинения, описывающий способы деления струны монохорда или канона — однострунного инструмента, использовавшегося еще с античных времен лишь с учебной целью для демонстрации принципов деления струны.¹ Их знание было необходимо для определения точных математических соотношений отрезков струны ради воспроизведения на ней звуков, отстоящих друг от друга на различные интервальные расстояния. Популярности этого жанра способствовали два обстоятельства.

¹⁷ *Tsolakis E.* Das Geschichtswerk. . . S. 260 ff.

¹⁸ См.: Procopius. *De bello gotthico* III. 1. — Особенно наглядный случай: *ἦν δὲ τὸ αἶμα καλὸς τε καὶ μέγας καὶ εὐπρόσωπος πάντων μάλιστα* (речь идет о Велисарии).

¹ Подробнее об этом см.: *Ruelle Ch.-Em.* Le monochorde instrument de musique // *Revue des études grecques.* 1897. Т. 10. P. 309—310; *Wantzloeben S.* Das Monochord als Instrument und als System, entwicklungsgeschichtlich dargestellt. Halle, 1914. — По свидетельству Поллукса (*Onomasticon* IV 60), монохорд арабского происхождения: *Pollucis Onomasticon* / Ed. E. Bethe. Leipzig, 1900. (*Lexicographi Graeci*; Т. IX), P. 219. — Никомах же связывает его появление с пифагорейской школой: *Nicomachi Harmonicon enchiridion* 4 // Jan C. (ed.) *Musici scriptores graeci.* Leipzig, 1895. P. 243. — Термин «канон» скорее всего произошел от ливейки (*καὼν*), приставлявшейся к струне и помогавшей своими делениями определять отрезки струны.